

ТЕАТР ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

Наверное, не так много людей в стране может твёрдо сказать: я точно знаю день, когда для меня началась перестройка. Автор этих строк может – причём не только в эмоциональном плане, а конкретно, с подтверждающим документом – 15 апреля 1986 года. Документом служит пожелтевший экземпляр газеты «Советская культура», вышедшей в этот день со статьёй Евгения Александровича Евтушенко под заголовком «Личное мнение».

Это был прорыв, один из первых прорывов гласности, без которых никакой перестройки конечно бы не было. Джина выпустили из бутылки. Но выпускали долго, неохотно, лишь когда товарищи большевики поняли: надо помаленьку уступать, иначе дело грозит стать совсем скверным. И первыми пошли на уступки самые «рьяные», я бы сказал, оголтелые, коммунисты. Но это, как оказалось, была лишь маска. Под ней самые циничные. Впрочем, обобщать не буду, но у нас в редакции, всё обстояло именно так.

Вот к такому господину, секретарю парторганизации газеты, я давно приставал с идиотским, по тем временам, предложением. Сидели как-то, выпивали вечером, в отделе коммунистического воспитания и марксистско-ленинской эстетики, ну я и озвучил давно вертевшуюся в голове идею: давайте, дескать, закажем что-нибудь Евтуху. Секретарь, сидевший рядом, презрительно скривил узкие губы и промолчал. Намёк на то, что закусывать надо. Закусывать по молодости я не любил, потому продолжил тему. Секретарь так же молча допил коньяк и ушёл. Но меня зацепило...

С тех пор, где-то раз в неделю, я заходил в его кабинет, находил в столовой, встречал в коридоре, сталкивался перед входом в редакцию и, стараясь глядеть в сторону, чтобы не рассмеяться, неизменно предлагал: ну давай, закажем что-нибудь Евтуху... Он быстро и молча уходил от меня. Вся редакция уже потешалась над этим довольно мирным идеологическим поединком. А зря, между прочим...

Но вот подула поземка гласности, и всё потихоньку начало вставать с ног на голову. И наступили тот день и час, когда я, чертыхаясь про себя, отвечал на десятки писем из скопившейся за месяц моей редакционной почты, а Бог в это время готовил подарок не только мне, но и всей пока ещё потенциальной демократической общественности. В кабинет зашёл секретарь, довольно, кстати сказать, молодой человек, и, ковыряя спичкой в зубах, спросил: «Так что ты там насчёт Евтуха говорил?» И в уме, и в чувстве юмора ему не откажешь. Одним из первых вычислил вектор неизбежного уже движения. И отнесся к этому вполне мирно, как к стихийному бедствию. Единственно, против чего гласно возражал впоследствии, так это против закрытия знаменитого распределителя продуктов на улице Грановского. Самое больное, значит, место было...

На следующий день, в субботу, я позвонил Евгению Александровичу. Мы долго не могли понять друг друга: поэт был сильно пьян. Но в какую-то минуту сознание прояснилось, и он, довольно чётко, переспросил: «Послушайте, я не ослышался? Вы, работник газеты ЦК КПСС, предлагаете мне написать авторскую статью «Личное мнение»? Да вы хоть представляете, что я в ней напишу?»

Я сказал, что именно на это и надеюсь. Он попросил перезвонить ему завтра. Я понял, что так и надо сделать. Впрочем, всё это было уже делом техники...

Хотя статья проходила не так-то просто. Начальство, скрепя сердце согласившись на рискованный, по их мнению, эксперимент, инстинктивно хваталось, читая абзацы, за пистолет. Но не тут-то было – Евгений Александрович, человек быстрого ума, да и тертый именно в таких делах, мгновенно разобрался в ситуации. Любопытный момент: Альберт Андреевич Беляев, тогдашний главный редактор газеты, в своё время трудясь в отделе пропаганды ЦК КПСС, «работал» с поэмой «Братская ГЭС». И Евгений Александрович в кулуарах с удовольствием рассказывал, как Беляев настаивал на том, чтобы в поэме появилась «хоть строчка о руководящей роли коммунистической партии в строительстве ГЭС». «Ну и что, вставили»? – спрашивали мы.

- А куда было деваться, - со вздохом говорил Евтух. Но тут же вскидывал глаза с неестественным блеском. – Но теперь этот номер не пройдет...

И слово он держал. На моих глазах Евтух взял полосу с вымаранными абзацами у заместителя главного Дмитрия Мамлеева, и демонстративно порвал ее.

- Или идёт так, как есть, - говорил он бледному, как полотно, Диме, уже не переставая сосущему валидол, - или снимаю статью...

И почему-то добавлял: «И чтобы вы, со своим корпоративным мышлением, больше никаких правок без моего

согласия не делали...

Деваться им было некуда: главный в первый же день, подстраховываясь, рассказал о будущей статье Егору Лигачеву, тот дал добро, видимо, считая Евтушенко человеком полностью лояльным, и Дима испуганно соглашался со всё больше наглежащим поэтом.

Статья вышла чеканной, как будто вырубленной из камня. Речь шла, естественно, о праве людей на личное мнение, о возможности озвучивать его, не боясь последствий. Евгений Александрович, нагледевшись на наше, деморализованное его напором, руководство, писал: «Гласность немыслима без драгоценного права ненаказуемого личного мнения». О перестройке там не было ни строчки – просто ещё и понятия такого не было.

На сигнальном экземпляре газеты он «вырубил»: «Дорогому Андрею Соколову – моральному соавтору этой статьи, с огромной благодарностью за боевое товарищество». А предисловие к «Личному мнению» написал тот самый парторг. Написал, как всегда, блестяще, были там такие слова: «Время сейчас такое, что и слово – своевременное, ёмкое, концентрирующее дух времени – становится социальным, гражданским действием». И опять угадал: скоро СМИ стали играть в нашей жизни чуть ли не главную роль, стоит только вспомнить, что творилось в те годы у стендов с «Московскими новостями», разоблачения «Огонька», да и сама «Советская культура» постепенно превратилась просто в «Культуру».

Так началась моя дружба с поэтом. Сначала она носила только творческий характер. Теперь, когда возникали проблемы в ещё пока советском искусстве, я звонил Евгению Александровичу, излагал суть, он писал текст. Так мы вытащили с полки фильм Александра Аскольдова «Комиссар», помогли «Плюмбуму» Вадима Абдрашитова, воскресили имя писателя Платонова, в общем, натворили немало славных дел. В газете он стал «Священной коровой», ему разрешали практически всё, и мы, что называется, «гуляли по буфету».

Где-то через полгода, в конце августа, он позвонил мне и предложил поехать в Карелию, на фольклорный фестиваль, назывался он, дай Бог памяти, «Кижские белые ночи». Я, тогда еще и не подозревавший об истинных причинах этой поездки, спросил, чего это вдруг его заинтересовали именно эти ночи. В ответ Евтух как-то замялся, потом сказал, что это инициатива его друга по Литинституту Марата Тарасова, местного поэта.

Как-то все это странно звучало. Уже немного узнав прославленного, популярнейшего поэта, я не удивлялся, когда он отказывался поехать, ну, к примеру, в Канны. Некогда – и всё тут. Нормальный советский человек в Болгарию, как в рай, ехал, а этому некогда... Ну, у богатых и знаменитых, как известно, свои привычки.

А по Москве вовсю гуляли слухи: английская жена Джан изменила Евгению Александровичу с грузином по имени Юра, произошло это на его даче в Абхазии, и так далее, и тому подобное...

Главное оказалось правдой: и то, что грузин, и что Юра, и жену, негодяй, увёл. Естественно, Евгений Александрович был, мягко говоря, в дурном настроении. Мы встретились утром в аэропорту «Быково», он, в немыслимой кепке из разноцветных клиньев, оранжевой рубашке и огромных чёрных очках, хмуро кивнул мне и спросил: «А что ты там делать будешь?»

Но и к таким поворотам я уже был несколько подготовлен. Не обижаясь, да попросту и не обращая внимания на вопиющую бестактность, я ответил, что дело всегда найдется. Он ещё раз хмуро кивнул, и мы пошли на посадку. Встречали нас Марат Тарасов и Лёва Левинсон, детский поэт. Черная «Волга» подъехала к трапу, и Марат, в то время первый секретарь местного отделения союза писателей, долго извинялся, что «Чайка» из Совета министров была в этот час кем-то занята.

- Ну, это мы вряд ли перенесём, - чуть-чуть развеселился Евтушенко, - хотя возвращаться, конечно, накладно. Мужики успокоились, и мы поехали в гостиницу. Дальше лично для меня все было прекрасно – сервис Марат устроил примерно на том же уровне, где-то между чёрной служебной «Волгой» и единственной на весь Петрозаводск министерской «Чайкой». Да и в Евтух, по-моему, был вполне доволен.

Странности начались вечером, в ресторане, находившемся на первом этаже гостиницы. Сидеть рядом с Евгением Александровичем было просто невозможно. Он излучал такую массу нервной, порывистой, рваной энергии, что становилось не по себе. Я никак не мог понять, в чем дело. Да и карельские поэты тоже поёживались и также ничего не понимали. Евтух ронял бокалы, прерывал тост на середине, почесывался, ёрзал и всё время оглядывал зал – как будто кого-то ждал. Кого он мог ждать в столице Карелии, очутившись здесь в первый раз? Короче говоря, если бы он тогда попытался почесать своей длинной ногой за ухом, мы бы не удивились.

А его уже начали узнавать. Люди подходили, пытались познакомиться, выпить, поговорить... Евгений Александрович на них почти не реагировал, часто и лихорадочно выпивал, что тоже было непривычно, и опять

вглядывался в сидящих за столиками людей.

- Андрей, можешь выполнить одно деликатное поручение? Взамен я скажу тебе, кто сдал нашим чекистам Синявского с Даниэлем.

- Да я бы и без того выполнил. А кто сдал?

- Американцы. Министр юстиции Роберт Кеннеди. Завёл меня в ванную комнату, включил воду и рассказал, что это они информировали нас, кто печатался на Западе под псевдонимами. Всё, теперь давай действовать.

- Да я что, отказываюсь, что ли? Делать-то что?

- Вон за тем столиком, видишь, девушки сидят. Вот та, справа, видишь?

Я видел. Хорошенькая, плотная девушка, с круглым лицом, большими глазами... И что?

- Слушай, как бы мне с ней познакомиться? Ну я сам не могу подойти, понимаешь же. Тут на полгода разговоров будет. Как бы ты её за наш столик, а?

И из-за этого весь сыр-бор! Хотя, как потом оказалось, все было не так просто.

Конечно, я быстро вытащил девушку-карелку по имени Марина за наш столик. Сделать это было просто ещё и потому, что все три девушки учились на филфаке Петрозаводского университета. Евтушенко они заметили давно, но подойти стеснялись.

Через полчаса мы уже сидели за столиком втроём – я, Марат и Лёва. Я вообще-то слышал раньше о необузданной любвеобильности поэта, и всё равно был немного ошарашен. А Марат с Лёвой только посмеивались, им было приятно, что Евтух так набросился на карельскую девушку.

Но ничего особенно не произошло. Евгений Александрович погулял с Мариной вокруг отеля, потом дал номер своего телефона в гостинице и попросил позвонить ему дня через два, не раньше.

- Почему через два? – спросил его я.

- А, - неопределенно махнул рукой Евтух, - в общем, через два.

И пошло-поехало. С утра газеты, телевидение, часов в пять выступление поэта, потом вчетвером шли в ресторан, и в середине вечера Евгений Александрович показывал мне очередную девушку. За это он поведал нам прелюбопытнейшие подробности борьбы за власть в Союзе писателей в текущий момент, рассказал о зарождающемся обществе «Мемориал», на которое он возлагал большие надежды, о телефонном звонке ему лично Горбачёва, ну, и массу других потрясающих историй. По тем временам – исключительный эксклюзив.

Мы, наконец, поняли, что идёт кастинг. Причём по одной и той же схеме: знакомство за столиком, прогулки при луне, телефон – «позвоните через два дня».

- Стоп, - как-то раз хлопнул себя по лбу Марат, - мы же в конце недели на двух яхтах по Онеге к Кижам пойдем, на фестиваль. Вот он и ищет себе подружку в путешествие.

Мудрый и опытный Марат в общем схватил суть, да не всю. Но об этом позже. А тогда мы быстро привыкли к этим психологическим экзерсисам Евгения Александровича, чем могли, помогали, деликатно помалкивали. Для него во всём этом был и ещё один плюс – к двенадцати ночи, отправив девушку домой, Евтух мирно засыпал, а мы засиживались за горячительными напитками далеко за полночь. Потому утром было, ну что тут говорить, а ему хоть бы что, наматывал по раннему городу рысцой свои километры, и был здоров, как лось.

Выбор пал на Марину. Объяснять он нам ничего не стал, но, думаю, тут сыграло роль то, что она изучала филологию. То есть, хоть какое-то приближение к литературе. Довольным Евтух не выглядел, но и хмуриться перестал, ожил как-то.

Я шёл в ресторан перед его выступлением в парке культуры, заказать столик на вечер. На подоконнике, в длинном сумрачном коридоре, сидел нахохлившийся парнишка. Он окликнул меня: «Эй, брат, не интересуешься?»

- Чем?

- Да вот, финка, - и достал из кармана куртки великолепную финку с наборной ручкой, в ножнах, - трубы горят, выручай.

Карелы вообще просты, как дети. Никогда не делают многозначительного вида, что есть, то и говорят. Иногда их честность, прямота и простота граничат с безумием. Хотя, конечно, в этот раз все было естественно. Финку я купил, сходил в ресторан, зашел к Евгению Александровичу. Перед выступлением он всегда немного не в себе, и сейчас сидел, смотрел на стенку, думал о чём-то. Я показал ему финку.

- Дай-ка посмотреть, - вмиг оживился поэт, - экая вещичка.

Он долго вертел её в руках, приспособливал к себе на пояс.

- Эх, хороша, хороша финка...

Тут я не выдержал.

- Дарю, Евгений Александрович.

- Ну спасибо, дорогой, спасибо. Сейчас я тебе отдарок сделаю, погоди...

Он порылся в сумке и достал оттуда новенький, еще в целлофане, галстук, красного цвета с фиолетовым отливом. После этого мы, довольные друг другом, поехали на выступление. У входа в парк нас ждал Марат.

- Сегодня аншлаг, - сказал он, - человек шесть сидит...

- Какое внимание к моей персоне, - деланно удивился Евтух.

Тут дело вот в чём было. Имелся в виду не настоящий аншлаг (хотя он-то как раз всегда был), а сколько гебешников присутствует на выступлении. Вот сейчас был рекорд – шесть человек. Марат их опознавал безошибочно, был у него такой дар. Хотя, по моим ощущениям, некоторые из них приходили просто послушать стихи. Впрочем, кто их разберёт, где у них кончается служба и начинается простой человеческий интерес...

В воскресенье мы ушли на Кижы. Евгений Александрович сел вместе с сияющей от счастья Мариной в одну яхту, наша компания во вторую. Плыли долго, но не нудно. Марат с Лёвой попеременно читали стихи, матрос наяривал на гармони, я всем наливал... Всё время в каком-то тумане, в прямом и переносном смысле. Изредка туман уходил, и мы видели вторую яхту, стоящего на носу Евгения Александровича, весь вид которого говорил, что он не очень-то доволен происходящим на его корабле. Но делать нечего: при такой волне пересаживаться к нам было опасно.

В Кижях Евтух полностью окунулся в фестиваль, забыв о всём своём окружении. А фестиваль пел, плясал, и на русском, и на карельском... И везде Евгений Александрович был к месту, все были в восторге от его чтения и образа... Высокий, худой, с финкой на боку... Я собирал и ел морошку, Марат с Лёвой дорвались до зрительской массы, словом, все были при деле, кроме Марины. Она на острове как-то потухла. Евтух на неё никакого внимания не обращал, и поневоле Марина переключилась на меня.

Так вот ходили по острову, собирали ягоды, ели, и разговаривали. Я осторожно спросил, как, мол, плыли-то...

Марина со своим карельским менталитетом ответила, что скушно было ему, час-другой поговорили, потом он замолчал, и молчал до самых Кижей, то есть почти сутки. И спал где-то на корме, а не в каюте, хотя бы около неё.

- Ну ничего, все образуется, - попытался утешить я её.

- Что образуется? Так просто я даже Евтушенко не дам, - отрезала Марина.

- Дело хозяйское, - только и развел я руками.

Как потом выяснилось, он и сам-то не очень хотел. Тогда зачем всё это было нужно? Чтобы поговорить пару часов с незнакомой девушкой, кругозор которой, ясное дело, ни в какое сравнение с евтуховским не шёл? Что-то здесь не срастлось, и, когда оказались вдвоём, я его спросил об этом.

- Эх, не бери в голову, - как-то печально ответил Евгений Александрович. Но кое о чём уже можно было догадаться.

В Петрозаводск вернулись усталые и мрачные. Веселил всех только фотокорреспондент ТАСС по имени Семён. Кажется, делом всей его жизни стало одно – затащить Евтуха к себе на дачу, в поселок ХЛАМ – художников, литераторов, артистов, музыкантов. Убеждая знаменитость, Семен каждое второе слово произносил матерное, и как-то Евтух не выдержал.

- Ну что, Сеня, - мягко сказал он, - вот ведь и поселок-то у вас артистов и литераторов, а на языке мат-перемат. Вот я же, или он (поэт кивнул на меня), так почему-то не лаемся...

Семён смутился, но ненадолго. Хоть обороты по части ненормативной лексики существенно сбавил. И вся эта история имела ещё довольно весёлое продолжение. Марина попросила подвезти её до общежития. Она оказалась не городской девочкой, откуда-то из глубинки, Олонцовский район, а вот деревню не запомнил. Когда выходила из всё той же служебной чёрной «Волги», Евтух сделал каменное лицо, а Семён, продолжая трещать ни о чём, обратился к Марине: «Слушай, ты давай, переодевайся, и поехали ко мне на дачу. Там сразу все в баню, а попаримся, с мостков в озеро, голышом, а...»

Мама дорогая, что же с ней произошло! Пунцовая, она побежала от машины, спотыкаясь и ревя в голос. Хорошо хоть место было безлюдное, иначе общественное мнение было бы не на нашей стороне.

- Слушай, Сеня, а ведь твой язык вырвать мало. Тебя кто просил лезть не в своё дело? – грозно спросил Евтух. Семён втянул голову в узкие плечи и боязливо молчал. Евтух глядел на него, а потом вдруг рассмеялся.

- Ладно, поехали к этому чёрту на дачу. В ХЛАМ.

Как сказал, так и сделали – в хлам. В смысле напились, перед этим основательно попарившись и поплескавшись в озере. Потом уха, потом... потом не помню. И о Марине никто тоже больше не вспоминал.

А в бане была поставлена точка по части ненормативной лексики. Вездесущий Семён решил хорошенько попарить дорогого гостя. Они вдвоём зашли в парную, и что он там сделал, я до сих пор не знаю – то ли ошпарил поэта, то ли слишком горячий пар был, а он хлестанул сразу двумя вениками изо всех сил... Словом, Евтух выкатился из парилки, оглашая всю дачу таким трёхэтажным матом, что родные Семёна, срочно спрятались на чердаке – оттуда и слушали. Так был решён спор двух интеллектуалов, русского и еврея.

С того дня Евгений Александрович снова впал в депрессию, начал поговаривать, что погостили, дескать, пора и честь знать. Я не возражал, но Марат слевой стояли насмерть: еще неделю. Тогда Евтух опять начал спасаться работой: выступления, мастер-классы (ничего лучшего с тех пор не видел и не слышал), пресса...

И точку в этой бешеной культуртрегерской деятельности должно было поставить телевизионное интервью, которое Марат собирался взять у Мастера. После этого он ещё выговорил пару дней на его дачу под Кондопогой, и только потом отпускал с миром.

Для интервью петрозаводское телевидение выделило самую большую студию. Кроме операторов, вдоль стен сидел интересовавшийся народ, включая и меня. Пока колдовали со светом, направленным на поэтов, возвышавшихся в середине на небольшом подиуме, я сонно разглядывал сидевших – запись шла утром.

- Ни тебе камзолов, ни тебе золотых эполет, ни обнаженных мраморных плеч, - думал я горькую думу, - впрочем, сам-то на себя сегодня в зеркало смотрел? То-то...

И в этот момент взгляд зафиксировал мрамор. К сожалению, плечи были закрыты кофточкой, но лицо было из мрамора, за это отвечаю. Я ещё подумал, что вот человек, его бы раньше нам – фигурка, волосы каштановые, мировой стандарт. Потом почувствовал, что кто-то пристально смотрит на меня.

Смотрел Евгений Александрович. Теперь с ними возились операторы, пересаживали, определяли точки, и он явно подзывал меня, украдкой маня рукой. Вообще-то не положено посторонним по студии шататься, но я почувствовал остроту ситуации, и подошёл. С двух сторон на меня шипели ассистенты, а в ухо – Евтух.

- Не упусти её после съемки, узнай, кто такая, а лучше задержи...

И он ещё спрашивал, что я здесь буду делать! Что бы он без меня делал...

Он даже не сказал, о ком речь, и так всё было ясно. Задание особой сложностью от прежних не отличалось, я спокойно сел, и начал слушать умные речи, изредка поглядывая на девушку. Чувствовался характер. Ну, или порода. Одно с другим связано.

А сам прикидывал, что же Евтух мне за неё должен рассказать: как его дружба с Фиделем Кастро повлияла на развод со второй женой? Или о тайной жизни Екатерины Фурцевой? Журнализм, как и водка, непобедим...

Девушку я задерживать не стал, необходимость исчезла. Просто подошел к ней, спросил, как зовут, увидел в руках книжку его стихов и предложил самой подойти, попросить автограф. Что Маша и сделала.

Он сразу пробурил её своим, прямо скажем, непривычным новому человеку, взглядом, и, на голову возвышаясь над обступившими его людьми, заорал: «А это кто? Кто вы, кто вы такая?»

- Я? – струхнула Маша, - я экскурсовод. По Карелии, конечно...

- Вот, - он поглядел на меня, на Марата, на Лёву, - а вы, халтурщики, чего мне до сих пор показывали, а? Такая страна, такие люди, а показать некому, а? Всё, девушка, берите это в свои руки, а автограф я вам потом дам.

К вечеру мы уже знали о ней всё: 24 года, учится на медицинском факультете все того же Петрозаводского университета, мать в нём же работает библиотекарем, отец – геолог, всё время где-то на севере... Марат сработал, как всегда, оперативно и надёжно.

Знакомство праздновали в том же гостиничном ресторане: от добра добра не ищут, да и привыкли мы к нему, как к родному дому. Маша оказалась смыслёным, коммуникабельным, продвинутым человеком. И – что было верхом блаженства – любила его стихи.

Что-то, кроме всего прочего, было необычно в тот вечер. Я думал, думал, а потом понял: первый раз, с той самой минуты, как мы встретились с Евгением Александровичем в аэропорту «Быково», и до сих пор, я увидел

его спокойным и умиротворённым. Он не дергался, не уходил в себя, не распускал перья, просто сидел, курил, пригубливал, смотрел на неё, и, отвечая, спрашивал. Решение им было принято.

Хотя в общей сложности не прошло и трёх часов, как мы с ней познакомились. Рановато, кажется. Но мы свидетели: решение было принято. И мы прекрасно понимали, какое это решение. Давно уже догадались...

Ночью он подтвердил, что догадались правильно. После полуночи постучал в мой номер.

- Выпить не осталось?

Осталось. Рюмки две он махнул молча, а потом заговорил.

- Вы, наверное, подумали, что я свихнулся, решил Джан отомстить? Есть, конечно, немного, но это совсем не главное. Решил я несколько изменить образ жизни. А одному этого не осилить, уже 54 мне. Нужен друг, жена. А где я её возьму, Андрей, где? На выступлениях? Чушь. Да и потом понял, что заграница и Москва – не моя география.

Эти женщины со мной не уживаются, а я с ними. Вот и пришла в голову мысль – искать надо по всей России-матушке. Вспомнил, как Марат говорил, что самые простые и честные люди остались только на его родине. Как видишь, не так уж он и заблуждается. А тут и Марат со своим фестивалем, как чёрт из табакерки выскочил. Дай, думаю, попробую. Как-то ведь выживать надо, правильно? Не в петлю же... Хотя нет, я бы застрелился. Но, слава Богу, всё кончилось хорошо. Завтра пойдем с утра на рынок, надо розы купить.

- Маше?

- Нет. Маме с бабушкой.

- Так вы что...

- Так я пойду завтра предложение делать.

- Евгений Александрович, Маша, конечно, чудная девочка, но ведь можно и ещё присмотреться, время-то есть...

- Это у тебя оно есть. Моё уже кончилось. А потом, ну тебе с Маратом что-то кажется неясным, а у меня с этим полный порядок. Маша – именно то, что мне нужно, именно её я представлял, когда думал о будущей жене. Так что даже мурашки по коже...

- А она?

- Что она?

- Замуж, скорее всего, пойдет. А как потом, что её ждет?

- А что её ждет?

- Ну вы сами знаете, что Евтушенко не сахар.

- Да. Евтушенко не сахар. – Он задумчиво посмотрел на меня. – Я как-то об этом еще и не думал...

- Так думать сейчас надо. Потом поздно будет.

- Ладно. Встретимся за завтраком, а потом на рынок. Так что ложись спать, не тяни.

После обеда он вернулся довольный, без роз, и Марат, узнав, что бабушка с мамой все же взяли небольшой тайм-аут, предложил тут же ехать на дачу.

Дачный посёлок оказался небольшой карельской деревушкой, домов в 8-10, стоящей на берегу великолепного озера. На улице было пусто. И за то время, что мы там были, я ни одного жителя так и не увидел. В двухэтажном небольшом маратовском домике было хорошо и уютно, но пикник все же решили устроить на берегу, бабье лето, погода прекрасная, грех в стенах сидеть.

- Вот что, мужики, - Марат смотрел на меня с Евтухом. Лёва, видимо бывший в курсе, тут же ушёл разжигать мангал. – Оно, конечно, мы время хорошо проводим, да ведь можно ещё лучше.

- В смысле? – Посмотрели уже мы на него.

- В смысле смотаюсь сейчас в Кондопогу, приведу 4 хороших девушек. Вот и посидим, а там дальше, как фишка ляжет.

- А как Лёва?

Сидевший рядом Лёва глядел на нас потусторонним взглядом. Как будто и не о нём речь вовсе.

Небольшое отступление. Он вообще, этот Лёва... Полгода назад приехал к ним в гости прекрасный поэт Николай Старшинов. Сразу предупредил: «Ребята, я позавчера зашил. Доктор сказал, если чего спиртное в рот попадёт, тут же окочурюсь. Имейте в виду». Они внимательно и с глубоким пониманием выслушали. Потом Марат сказал: «Ну, раз такое дело, будем пить соки. Лёва, будь добр, слазь в подвал, моя там их для детей накручивала осенью. Притарань баночку.» Лева притаранил. Старшинов с устатку махнул полстакана «голубничного» и упал замертво.

Оказалось, домашнее вино Бог знает какого года. Заматеревшее. Еле откачали беднягу. Или вот, уже в Москве, позвал я его к себе на день рождения в ресторан «Дубровник». Посадил в суматохе с таким же «завязавшем» бывшим алкоголиком, как и Старшинов, другом Игорем. Ну, мой промах. Но от этого не легче. Короче говоря,

этот поэт отрочества так перемешал стаканы с водкой и минералкой на столе, что, если бы Игорь не перепутал напиток, было бы очень удивительно. Он и перепутал. Час потом над унитазом маялся. Злой рок всех завязавших, вот кто этот романтичный и безобидный с виду детский поэт, Лёва Левинсон.

- Лёва? Лёва за. Когда он, Лёва, против-то был. Ну как, Женя?

Евтух, сначала было как-то по-скопцовски поджавший губы, произнёс: «Ну, если все за... Тут уж налицо корпоративное мышление, как я против него...»

Он случайно посмотрел на меня и поперхнулся. Далось ему это корпоративное мышление. Евтух махнул рукой и сказал: «Слушай, Марат, чё ты все церемонии разводишь? Хочешь блядей на свою дачу привести, так веди. А то всё спрашивает».

Марат быстренько удалился, а мы постепенно накрывали стол, врытый в землю в двух метрах от воды. И каждый раз, подходя к нему, как-то естественно опоражнивали «Столичную», головки которой тут и там торчали из-за туесков, плошек и сковородок.

Видно было, что пожалел уже Евгений Александрович о своём согласии. Отходил, смотрел на гладь абсолютно штилевого озера, возвращался, и опять наливал. Таким образом выражал досаду. Ну а мы за ним – просто так, за компанию.

К тому времени, когда появился Марат с девушками, все трое были хороши. Евгений Александрович пил молча и мрачно, Лёва – молча и сосредоточенно, поскольку у него шёл новый стих, и он его бормотал сквозь зубы, я пытался говорить тосты, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

Долго так продолжаться не могло. Под анекдоты Марата, мои тосты, бормотанье Лёвы, желчное молчание Евтуха, девушки гнули шеи и опускали головы всё ниже и ниже. Ещё немного, и их лбы коснулись бы поверхности стола. Если они и были легкодоступными, как уверял Марат, то это был карельский вариант проституции.

Всё-таки какая-то застольная беседа шла, и в конце концов выяснилось, что они не только не читали никаких стихов Евтушенко, но и вообще не знают, кто он такой. Это было уже выше его сил. Евгений Александрович посмотрел на Марата тяжёлым взглядом и воскликнул: «Ты кого привел?»

- Так это... При чём здесь поэзия?

- Да чтобы духу их здесь сейчас же не было...

Девчонки, казалось, только этого и ждали. С видимым облегчением они встали и, не прощаясь, молча пошли по проселочной дороге. А Евгений Александрович вдруг вскочил и заорал, что было мочи: «А все равно, вы бляди, а я Евтушенко». Девчата перешли на галоп, прикрываясь плотным валом пыли. А по блестящей глади озера, позолоченной лучами закатного солнца, ещё долго глухо гремело: «...тушенко... ушенко... энко...»

* * *

Свадьбу назначили на 31 декабря. Множество людей стихийно, как волны, перекатывались по даче поэта, завихряясь, смерчем, то в одном, то в другом месте. Вихрем был, конечно же, сам виновник торжества. Он вставал на табуретку, чтобы его не только слышали, но и видели, и громко объяснял, что он сейчас чувствует. Он говорил о любви, о дружбе, о предательстве, о самом важном.

Дело дошло и до нас.

- Где Марат Тарасов? Где Андрей Соколов?

Мы с Маратом помахали ему из толпы. Лева приехать не смог. Евгений Александрович bravо соскочил с табуретки, взял её, поднёс к нам, встал и вкратце рассказал то, о чем вы сейчас прочитали. Нам с Маратом было приятно.

* * *

С тех пор прошло почти двадцать лет. У Евгения Александровича с Машей родились двое сыновей, живут они в двух странах – Америке и России. Надеюсь, что всё у них хорошо.

* * *

Если и правда «весь мир – театр, а мы в нём лишь актеры», то Евгений Александрович Евтушенко – один из самых гениальных. И не нужны ему чужие роли на сцене и в кино. Надо играть то, что получается лучше, чем у кого бы то ни было – самого себя.

Мне посчастливилось увидеть один из самых ярких его спектаклей. Но вот о чём я думаю. Что это было? Сказка? Святочная история? Комедия? Драма?

Смешение жанров. Называется жизнь.

А. Соколов

Журнал «Медведь» дек. – янв. 2004\05

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С тех пор засел в голове дурацкий стишок, придуманный тогда Маратом.

«Лев Григорьич, Лев Григорьич, отчего на сердце горечь? Оттого, что ты Марат, выпил мой денатурат».

Все уже всё выпили. Евгений Александрович, старый и усталый, заканчивает по телевизору из Америки свою исповедь в трёх частях. Маша, всё в той же благополучной стране нового света, на переезд в которую она в своё время решительно настояла, работает врачом и литературным редактором, пополам, надо понимать. Уже сыновья их взрослые. Дело к закату.

Со стороны – всё прекрасно А на сердце – горечь.

О том, почему так случилось, до конца знает, конечно, только он сам и никто больше. Все мы – интерпретаторы. Правда, может и горше, но она и тоньше. И до конца она понятна только ему. Всё. Больше никому.

Наверное, нельзя было начинать поэту, да ещё малолетнему поэту, Жене Евтушенко, со стихов, прославляющих в России Сталина. Я намеренно называю имена. Не диктатору, залившему кровью..., не всемирно известному мастеру рифм...

Евтушенко. В России. Сталина.

Так сформировалась личность. И, как известно, не только его. Всего русского народа. Российского. Но вот такие мы. А он, собственно, наша плоть и кровь. Как мы – так и он. Мы идём на демонстрации с портретами ублюдков и убийц, а он лишь фиксирует это наше действие. Какие претензии.

Да вот не претензии. Горечь. Потому что под сегодняшними обломками похоронена душа. Такая, какая мало кому на этом свете достается.

И талант. Сочетание, в результате которого появились на свет Данте, Пушкин, Лермонтов... Ну, есть мартиролог, все его знают. И этот мартиролог мы ещё будем иметь на письменном столе Бог знает сколько времени.

Но я не уверен, что имя Евгения Александровича сохранится в нём надолго. Конечно, речь даже не о десятилетиях. Другими цифрами оперирует настоящее искусство. Настоящая литература. Настоящая поэзия.

Я знаю, что он это знает. Утешается, наверное, тем, что с заклятым врагом, Бродским, случится то же самое. Утешение верное, но ненадежное, слабое. И потому, ребята, вы не особенно слушайте трагические его рассказы о своей непростой жизни. Лучше загляните в эти настороженно-пронзительные глаза. Ушла из них упоительная власть над нами. Осталась горечь.

«Оттого, что ты Марат...»

Октябрь 2013